
А. Н. МЕЩЕРЯКОВ

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЯПОНЦЕВ В ОТНОШЕНИЯХ С ЗАПАДОМ И ПРИЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

После «открытия» Японии европейцами в середине XIX века страна приступила к ускоренной модернизации, сопровождавшейся комплексом национальной неполноценности и напряженными поисками новой идентичности. Но если в политике, экономике, культуре, военном деле этот комплекс был преодолен достаточно быстро, то комплекс телесной неполноценности преодолеть не удалось, чему в решающей степени препятствовал распространившийся на Западе тезис о «желтой опасности». Результатом явилось переосмысление комплекса телесной неполноценности и перевод его в комплекс превосходства, когда те телесные параметры, которые считались ранее «недостатками» (строение тела, цвет кожи и т. д.), стали почитаться за несравненные достоинства.

Еще в правление императора Мэйдзи (1867–1912) японцев одушевляла идея: встать вровень с Западом. Благодаря дальновидности элиты и трудолюбию простого японца Японии в определенной степени удалось добиться этого¹. Однако равенство Японии с Западом получалось однобоким. Оно проявлялось прежде всего в военной мощи и геополитике, т. е. на государственном уровне. Япония выиграла войны у Китая и России и приступила к созданию колониальной империи, в которую входили Тайвань, Корея, Южный Сахалин. Теперь ни один крупный международный конфликт не обходился без участия Японии. Когда в Европе началась Первая мировая война, японская элита некоторое время пребывала в замешательстве: разделились мнения по поводу того, на чьей стороне воевать. О том, чтобы не воевать, речи не было. В конце концов выбор был сделан в пользу Антанты.

В конце XIX – начале XX века японцы часто называли себя «сверстниками древних греков», но европейцы называли Японию «нищей страной». Они могли восхищаться традиционной японской

¹ О процессах модернизации Японии в это время см.: Мещеряков 2006.

культурой, но по сравнению с Европой и Америкой стандарты жизни простого человека были, безусловно, низки. «Едят ракушки и каракатиц», – таков был уничижительный вывод. В то время Япония еще не умела гордиться тем, что презируют европейцы, у которых еще не существовало моды на этническую японскую кухню.

Европейские интеллектуалы ценили японскую живопись, они были знакомы с чайной церемонией, некоторые увлекались японской борьбой, именовавшейся тогда *джиу-джицу* (искаженное от *дзю-дзюцу*; теперь в ходу термин *дзюдо*). Образованные европейцы знали, что среди крупных стран мира Япония первой достигла практически поголовной грамотности. Тем не менее увлечение японизмом в XX веке явно пошло на спад, а за «восточным» фасадом обнаружилось много такого, что вызывало не умиление, а недоумение. Формирование на Западе научной японистики создало ситуацию, когда Япония и японцы стали оцениваться более трезво. Вовлеченность Японии в мировую политику и экономику превращала ее не только в партнера, но и в соперника Запада, и западная журналистика уже не столько упивалась «экзотичностью» страны и «милыми» обычаями ее обитателей, сколько описывала ее экономику, общество, армию и геополитический курс. Да, индустриальные и военные достижения Японии вызывали уважение, но это было скорее удивление взрослого перед успехами подростка. Запад не скрывал, что был и остается законодателем мировых мод и не потерпит иного. В этом мире, в центре которого находился Запад, Япония занимала место младшего брата. А в японской семье, как известно, младший брат обречен на прозябание. Да, Япония участвовала во всех важнейших мировых конференциях, но каждый раз ей указывали на то реальное место, на которое она может рассчитывать. Ни на одной из этих конференций она не играла главной роли.

Дискриминации подверглись не только японское государство, но и сами японцы. На Парижской мирной конференции 1919 года японская делегация попыталась внести в устав формируемой Лиги Наций пункт о равноправии иностранцев в странах-участницах Лиги, но встретила жесткий отпор со стороны США и Великобритании. Западные политики твердили о равенстве, но это были скорее упражнения в риторике, реалии жизни оставались другими. К 1924 году в США проживало 127 тысяч японцев, они заняли определенное место на американском сельскохозяйственном рынке, что вызвало недовольство местных фермеров. Поскольку японцы предпочитали проживать компактными общинами, общест-

венное мнение считало их наряду с китайцами «неспособными к натурализации», а это считалось недопустимым самоуправством. Америка оказала помощь Японии после ужасного землетрясения 1923 года, но в той же Америке действовали законы, ограничивающие права японцев на земельную собственность. 16 апреля 1924 года там был принят *Иммиграционный Акт*, согласно которому ежегодная квота на въезд японцев в США стала составлять «оскорбительные» 186 человек. В Японии этот закон вызвал бурю протестов. Посол в Вашингтоне Ханихара Масао писал: «Для Японии это (Иммиграционный Акт. – А. М.) является вопросом не выгоды, а принципа... Важно то, уважают Японию как нацию, считаются или не считаются с ней» (цит. по: Савельев 1997: 123).

Американский иммиграционный закон был направлен не только против японцев, но и против китайцев. То есть в понимании японцев он приравнял их к презренным кули. И это тоже было прямым оскорблением чувства национального достоинства. Японцы были людьми обидчивыми и терпеть унижение не собирались. Этот иммиграционный закон сделался на много лет вперед символом той высокомерной Америки, которая относится к Японии без всякого уважения. Что бы ни происходило в этом мире, во всем была виновата Америка. Даже в посреднической роли президента Ф. Рузвельта, которую он сыграл при заключении Портсмутского договора 1905 года, теперь также стали видеть коварство Америки: именно она якобы не дала довести войну до сокрушительного поражения России. И это при том, что на самом-то деле Рузвельт выступил посредником после обращения к нему японской стороны...

Японцы обвиняли Америку в политике двойных стандартов. Это утверждение близко к истине. Стоит, однако, помнить и о другом: в самой Японии иностранцы не имели права владеть землей; чтобы поехать в Японию, корейцам и тайваньцам требовалось специальное разрешение; они были лишены избирательного права; неприкрытая сегрегация была в порядке вещей.

Японцев сильно беспокоил вопрос о национальной самоидентификации. Бурный процесс вестернизации сопровождался настойчивыми попытками поставить ему предел. Чувство гордости за военные победы и успехи в промышленном развитии сопровождалось комплексами и страхом потерять собственную культуру. При Мэйдзи основным свойством японца объявлялась не имеющая прецедентов верность правящему дому. После смерти Мэйдзи, когда на трон взошел его сын Тайсё (1912–1925), усилились процессы формирования «японской культуры». Именно в это время создают-

са первые истории японской литературы и искусства, т. е. формируется корпус текстов и произведений изобразительного искусства, которые признаются «классическими». Раньше в отличие от Запада такой канон отсутствовал, что вызывало чувство «культурной неполноценности».

«Комплекс подростка» беспокоил японцев не только на государственном и культурном уровнях, но и на уровне личном. Одним из его проявлений был комплекс телесной неполноценности. Японцы считали свое тело некрасивым, они страстно хотели подрасти, чтобы сравняться с европейцами в росте. Находясь в Лондоне, замечательный писатель Нацумэ Сосэки (1867–1916) постоянно стеснялся своего цвета кожи и роста. И только однажды, по его утверждению, ему удалось обнаружить человека одного с ним роста. Однако, подойдя к нему поближе, он обнаружил, что смотрится в зеркало...

Телесным образцом долгое время считалось тело европейского человека. Европейцы были выше и сильнее физически. Японцы полагали: для достижения этого идеала следует поместить природного японца в те же условия, в которых проживали европейцы. При этом считалось, что телесное поведение традиционного японца «искусственно», «портит» человеческую «природность» и нарушает «правильную» пропорцию между верхней и нижней частями тела (Нисимура Хироси 2005: 39).

Еще при Мэйдзи врачи стали настойчиво рекомендовать японцам пересест с циновок-татами на стулья – от сидения на полу, утверждали они, происходит искривление позвоночника, а значит, и убыль в росте. Настойчивая пропаганда «цивилизованного образа жизни» приносила свои плоды – интерьер японского дома менялся. В первую очередь, разумеется, это касалось зажиточных семей. Вот как описывает кабинет богатого человека писатель Акутагава Рюноске: «Выходящие на реку Сумида французские окна, белый потолок с золотым бордюром, кресла и диван, обтянутые красной марокканской кожей, портрет Наполеона Первого на стене, резной книжный шкаф черного дерева, мраморный камин с зеркалом, карликовая сосна на камине, которую так любил покойный отец Миура (имя персонажа. – *А. М.*), – такова была характерная для той эпохи обстановка кабинета... Окруженный этими вещами, Миура обычно надевал дорогое шелковое кимоно, усаживался под портретом Наполеона Первого и читал что-нибудь вроде “Les Orientales” Гюго» (Акутагава Рюноске 1998: 499).

Хотя люди, подобные Миура, составляли абсолютное меньшинство, им завидовали, именно они формировали образец для подражания. Традиционный японский дом почти лишен мебели, европейская обстановка была доступна лишь немногим. Поэтому людям приходилось призывать на помощь и «народную смекалку». В рассказе Куникада Доппо (1871–1908) «Необыкновенный обыкновенный человек» приводится пример такой сообразительности. Школьник Сёсаку следующим образом оборудовал свое «европейское» рабочее место: «“Стол” был дешевым японским столиком на двух подставках. Стул ему заменяла скамеечка для ног, прибитая к простому ящику. Правда, Сёсаку относился к своему изобретению весьма серьезно. Помнится, его привели в восторг слова учителя о том, что сидеть за японскими столиками вредно для здоровья. И он недолго думая реализовал свою идею» (Куникада Доппо 1958).

Обычай носить детей за спиной также подвергался осуждению, ибо вызывал искривление позвоночника. Однако упразднение этого обычая не сопровождалось такими же энергичными усилиями, как реформирование способа сидения: этот обычай затрагивал только женщин, а реформы осуществлялись мужчинами, которые реформировали прежде всего самих себя. Изменения в пищевом рационе (увеличение белковой составляющей), усиленные занятия физкультурой (главным образом, в школе и университете) приносили свои плоды. За период Мэйдзи японцы подросли на «целый» сантиметр, и все равно этого было мало для того, чтобы сравняться с европейцами. Но это только добавляло желания догнать и перегнать Запад. В этой гонке агрессивная и ксенофобская составляющие играли существенную роль. Рыболовный инспектор из повести Кобаяси Такидзи (1903–1933) «Крабokonсервная фабрика» (1929) кричал рыбакам перед выходом в море: «Хоть мы и малы ростом, но не потерпим, чтобы над нами взяли верх эти разини роскэ (презрительное прозвище русских. – А. М.)!» (Кобаяси Такидзи и др. 1933).

Японцы часто именовали себя «спартанцами Дальнего Востока». Они имели в виду свое благородство, крепкий воинский дух, неприязнательность. Однако ничего подобного греческому искусству в Японии обнаружить было нельзя. Греческий культ обнаженного тела в Японии отсутствовал. Стремительно скатываясь в тоталитаризм, Япония не воспользовалась опытом нацистской Германии и Советского Союза с их псевдоантичным культом обнаженного (полуобнаженного) тела. Господствующее убеждение в том, что японцу по своим физическим кондициям невозможно догнать ев-

ропейцев, заставляло искать другие основания для воспитания национальной телесной гордости.

Следует также помнить, что культ обнаженного тела противоречил важнейшему постулату японской культуры. Она придавала огромное значение одежде, которая являлась синонимом культуры и культурности. Одежда всегда считалась показателем места, занимаемого человеком в общественной иерархии. Поэтому выражающая эту идею европейская военная форма укоренилась с легкостью, но лишенное знаков отличия нагое тело таких шансов не имело.

Нагое тело, весьма часто изображавшееся на нескромных картинках прошлых времен (периоды Токугава и начало Мэйдзи), являлось показателем страсти, а страсть квалифицировалась как иррациональная, разрушительная сила, а потому подвергалась осуждению. Показательно, что даже на этих «порнографических» картинках мужчина (а это почти всегда самурай) далеко не всегда предстает в обнаженном виде. На некоторых изображениях, воспроизводящих самые страстные моменты свидания, можно увидеть и родовую герб на одежде, и даже заткнутый за пояс меч.

В нацистской Германии и СССР обнаженное (полуобнаженное) тело воспринималось как освобождение от прошлого и символ обновления. В Японии такой «нудистский» дискурс был обречен на провал. Культура японского тоталитаризма боролась с телесностью. Это касается не только собственно эротики (в 1930 году танцовщицам запретили надевать короткие чулки, трико телесного цвета и танцевать канкан; тремя годами позже был запрещен спектакль по мотивам «Повести о Гэндзи»), но и обнаженного или полубнаженного тела вообще. Япония с готовностью воспроизводила в скульптуре худшие европейские образцы облаченных в форму военных героев, но не осмелилась заимствовать античные реплики нацистской и советской пластики. Не стала она воспевать и полубнаженное «физкультурное» тело, художественное воспроизведение которого оказалось столь востребованным в европейском тоталитаризме, хотя изображения спортсменов и физкультурников – мужчин и женщин – демонстрировали вовсе не эротизм (при единообразной физкультурной форме гендерные признаки оказывались там максимально смазанными), а служили совсем другим целям. Здоровое и мускулистое тело демонстрировало готовность служению не личным, а государственным интересам. Однако такое тело нарушало сложившуюся иерархию (в том числе и гендерную) и потому было для Японии неприемлемым. Что до женской наготы, то она вообще служила эквивалентом продажности и потому не могла быть

введена в общественный оборот ни при каких условиях. Отличающим японца признаком считалась непревзойденная «духовность», которая плохо совмещалась с телесностью (Мещеряков 2008).

Тем не менее в теле японца все равно были найдены те составляющие, которыми предлагалось гордиться. Но эти параметры не имели отношения к росту и силе, они предполагали прежде всего эстетические коннотации.

Подтверждением этому является приведенная в *Приложении* (с небольшими сокращениями) статья знаменитого скульптора Асакуры Фумио (1883–1964), прозванного «японским Роденом». Она была опубликована в 1929 году (Нихондзин... 1929). Автор призывает японцев обнаружить в своем теле то, чем им следует гордиться. Основной упор при этом делается не на физическую мощь тела (при всем желании японцы по этому параметру с европейцами сравнятся так и не смогли), а на эстетическую красоту (глаз, волос, лица, рук), дополняемую дилетантскими (кое-где и весьма путаными) рассуждениями о «физиологичности» устройства японского тела. Обращает на себя внимание и то, с каким упоением апеллирует автор к теории эволюции. В Японии теория эволюции (социальный дарвинизм) получила самое широкое распространение. Видимо, прежде всего потому, что в нее «вмонтирована» идея развития (возможность перехода от «варварства» к «культуре»), что вселяло надежду на изменение создавшегося положения вещей, а к этому японцы и стремились. В рассуждениях Асакуры интересно и другое. Хотя он говорит о телесной красоте всех «японцев», за «японцами» отчетливо проглядывает женский образ. Недаром и на приведенном им рисунке, призванном доказать пропорциональность японского тела, изображена именно женщина.

Идеи, высказанные Асакурой, упали в благодатную почву. Лучшие умы тогдашней Японии восприняли их всерьез, осмысление тела японца с точки зрения его эстетичности продолжалось. Теперь объектом рассмотрения стала кожа японца². В 1934 году в знаменитом эссе «Похвала тени» Танидзаки Дзюньитиро (1886–1965) писал: «Среди отдельных индивидуумов нам попадутся и японцы, более белокожие, чем европейцы, и европейцы с более темной кожей, чем у японцев, но в характере этой белизны и черноты существует различие... [Но] в японской коже, какой бы белизной она ни отличалась, чувствуется всегда слабое присутствие тени. Не желая

² Разработке темы «желтой кожи» мы в значительной степени обязаны статье Мадзимы Аю (см.: Мадзима Аю 2004).

отставать от европейских дам, японские женщины с большим усердием покрывали густым слоем белил все обнаженные части тела – начиная от спины и кончая руками до подмышек. Тем не менее, уничтожить темный цвет, сквозящий из-под кожного покрова, им не удавалось» (Танидзаки Дзюньитиро 1996: 62).

Таким образом, избегая понятия «желтая кожа», которое в тот расистский век имело презрительный оттенок, Танидзаки утверждал, что люди (расы) отличаются не по цвету кожи, а по оттенкам, образуемым сочетанием черного и белого. Он не утверждал прямо, что японская кожа красивее европейской, хотя по общей направленности эссе можно сделать и такой вывод. Однако всего через два года знаменитый поэт Хагивара Сакутаро (1886–1942) в эссе «Японская женщина» уже смело утверждал: «Главная красота японской женщины заключена в цвете кожи. Ее подтененная кожа темно-кремового цвета поистине прекрасна... Кожа европейских женщин отличается абсолютной белизной и напроочь лишена такой подтененности... Белизна белого человека – это белизна отбеленной до предела рисовой муки – сухая безвкусная белизна, недоступная ни языку, ни пальцу... Конечно, среди японских женщин есть разные, но самые красивые – обладательницы белой кожи, в которую закралась желтизна. Те же японки, у которых кожа чересчур бела, как и европейки, слишком скучны и лишены очарования... Обладательницы кремового цвета, в котором смешались белый и желтый и кожа гладка на ощупь, – вот они-то самые красивые среди японок, да и самые красивые в мире. Вот такие японки, у которых из-под пудры проглядывает желтизна, сравнения не имеют, они не монотонны в своей красоте. В последнее время европейки заметили это и стали использовать желтую пудру, но им далеко до японок... Накрашенное лицо европейек представляет собой сочетание ярко-белого и ярко-красного, это – простота, лишенная очарования. Посмотришь издали – ярко и красиво, но это красота скучная, без вкуса и тени... В общем, красота японок подобна красоте японских цветов и трав, в ней есть глубина – тень и тонкость» (цит. по: Мадзима Аю 2004: 124).

Наблюдения самого Хагивары отличаются тонкостью и вкусом. Однако не будем забывать и о том, что они представляют собой перевернутый шовинизм белого человека. Только теперь признаком «благородного» происхождения и красоты выступает не белый, а желтый цвет. Хагивара находит, что европейки производят впечатление только на расстоянии, его же – в соответствии с тра-

диционными японскими культурными установками – больше интересуется взгляд с близкого расстояния³.

И не только взгляд, его интересуется и осязательная составляющая красоты. Сближение с объектом наблюдения должно быть полным, и Хагивара задействует даже пищевой код восприятия – усвоение (поглощение) красоты. Обращает на себя внимание и то, что обозначенный подход не распространялся на японских мужчин. Японские мужчины избивали свой комплекс телесной неполноценности за счет японских женщин. А это означало, что комплекс полностью преодолен не был. Поведение японских военных указывало тот путь, на котором японские мужчины могли обрести уверенность в себе. Полномасштабная война в Китае началась в 1937 году, а еще через четыре года Япония объявила войну Великобритании и США.

Упорно размышляя о своем народе и его национальном характере, слишком многие японцы того времени искали не то общее, что объединяет их с другими народами и культурами. Нет, они скорее искали то, что отъединяло их от мира. Искали и находили. Среди этих находок бывали обретения истинные, бывали и откровенные подделки. Болезненное желание быть непохожими на других перевешивало все остальное. Констатируя свою непохожесть, они принимали ее за исключительность. Исключительность же принимали за превосходство. Патриотизм превращался в ксенофобию и национализм, весь мир делился на «свое» и «чужое», на «своих» и «чужих».

По моему глубокому убеждению, именно это чувство и привело Японию в 1941 году к войне с Великобританией и США, а потом и со всеми их союзниками. Решение о начале этой войны не может быть объяснено исходя из политических и экономических соображений, потому что ни одно из них не выдерживает испытания рациональной логикой. Главной причиной было желание самоутверждения – не только страны в целом, но и каждого японца в отдельности. Утвердившаяся на Западе евроцентричная картина мира, в которой японцу (как и любому «цветному») не находилось сколько-нибудь достойного положения, провоцировала его на истерические формы поведения.

³ О семантике взгляда в японской культуре см., например: Мещеряков 2007.

Асакура Фумио

Телесная красота японцев

Увидев длинноногого европейца, нет нужды восхищаться им и восклицать: «Как стильно!» Увидев светлые волосы и глаза европейской девушки, нет нужды завидовать ей и восклицать: «Как красиво!» Тем не менее увидев европейского мужчину или женщину, японцы слепо и привычно восхищаются ими и завидуют им, что вошло в традицию и превратилось в нелепый предрассудок. Я осуждаю его. Если бы японцы получше узнали свое тело, они при виде европейца стали бы ощущать свое телесное превосходство. Однако японцы не понимают красоты своего тела. Прежде чем завидовать европейцам и восхищаться ими, следует разобраться со своим собственным телом.

<...>

Японцы не понимают, насколько черные глаза красивее светлых и насколько они физиологичнее. Однако если мы взглянем в путевые записки европейцев, которые посещали Японию, то увидим, что на первой же странице, рассказывающей о первом дне пребывания в Японии, все они непременно отмечают, насколько очаровательны черные, влажные и блестящие глаза японцев. Раньше они почитали за образец светлые, мутноватые и глубоко посаженные глаза. И это настолько понятно и совершенно естественно, что при виде глаз японца – блистающих и чистых, как ясное осеннее небо, – они пишут об этом на первых же страницах своих заметок.

Сам я ощущаю непередаваемое счастье от того, что мне довелось родиться обладателем черных глаз. Я никогда не считал красивыми белесоватые и бледные европейские глаза. Понятие «блестящие глаза» применимо только по отношению к японцам.

Если пойти дальше и от внешнего обратиться к физиологии, то при тщательном анализе выяснится, что и здесь мы найдем немало подтверждений того, что японцам есть чем гордиться. Цвет имеет прямое отношение к свету в его понимании физикой. Известно, что черный цвет обладает наилучшими светопоглощающими свойствами, а чем дальше от черного и ближе к белому, тем эта способность становится меньше. Благодаря тому, что черный зрачок вбирает в себя максимальное количество света, исходящего от объекта, острота зрения увеличивается, а сами глаза меньше устают. Поскольку светлый зрачок поглощает значительно меньше света, то и его отражательная способность увеличивается. Вследствие этого

световое излучение объекта в значительной степени отражается, а это приводит к худшему зрительному восприятию и большему утомлению глаз.

Посмотрите на европейца, который идет по освещенной солнцем улице, – от яркого света он вынужден щуриться. Из-за того, что его зрачки отражают свет, он не в состоянии ясно видеть, что происходит вокруг. То есть при более ярком освещении европеец не может открыть свои глаза шире.

Значение имеют не только черные зрачки сами по себе. В сочетании с черными ресницами и бровями они создают ощущение гармонии и уравновешенной красоты, что опосредованным образом также повышает остроту зрения – за счет упорядочивания и концентрирования беспорядочной игры света. С этой точки зрения роль черных ресниц и бровей в качестве защиты зрачка также велика.

Между глазом и бровями существует известное расстояние, которое позволяет глазу двигаться свободно и беспрепятственно. У японцев между глазом и бровью имеется толстая жировая прослойка. За счет нее сокращение глазных мышц происходит мягко и скоро. Глаза у японцев работают очень хорошо и быстро, что находит свое объяснение в вышеперечисленных особенностях физиологии.

Кроме того, длинный разрез глаз японца позволяет увеличить угол зрения. Если у европейцев он составляет 167 градусов, то японцы способны ясно видеть предметы по дуге в 180 градусов.

Я проанализировал только один орган – глаз. Но и в нем удалось найти столько прекрасного...

Считается, что черные пышные волосы, которые ниспадают, подобно веткам ивы, являются символом крепкого здоровья. И здесь никто не может сравниться с японцами по красоте волос, которыми мы должны гордиться. Сами европейцы говорят, что волосы у японцев неподражаемы, они восхищаются ими и возносят им хвалы. Те же японки, которые природную красоту своих волос уродуют завивкой и превращают их в какое-то птичье гнездышко, воображая себя при этом западными красавицами, – эти женщины поражены «болезнью западничества». Они сами отказываются от собственной красоты, восхищаются непонятно чем и заслуживают звания недоумков.

«Тело у японцев некрасивое. Ноги у них, во-первых, короткие, во-вторых, кривые, что очень неприглядно». Подобные слова можно часто слышать от самих японцев. Каждый раз, когда я слышу подобное дилетантское и поверхностное суждение, мой злобный

взгляд выдает мое отношение к таким людям. Разве можно с помощью такого примитивного критерия определить красоту или безобразность? Эти безответственность и слепота свидетельствуют о том, что японский строй мыслей подвергся вестернизации, что в основу любого суждения – будь то одежда, еда или жилище – положены западные критерии.

Если носить европейскую одежду, то тогда покажется, что ноги у японцев по отношению к туловищу коротки и все тело лишено соразмерности. И тогда любое движение будет выглядеть каким-то ущербным. Станешь танцевать европейский танец – все телесные недостатки станут тут же видны. Однако это совершенно естественно. И одежда европейцев, и их танцы сработаны, придуманы и гармонизированы в расчете на их тело.

Представим себе европейца, обрядившегося в японскую одежду, – зрелище выйдет престранное. Европейец в ней будет выглядеть нелепо, он не будет смотреться естественно в одежде, скроенной под японца. И пусть этот европейец станет танцевать не свой танец, а японский. И куда тогда одеваются изящные, прелестные и полные очарования движения, присущие японскому танцу? Европейец будет выглядеть еще смешнее, чем японец, танцующий по-европейски.

Разумеется, и в европейцах есть своя особая красота, но и в японцах можно увидеть свою красоту, которая ни в чем не уступает европейской. Нет нужды проклинать японца только за то, что его тело не подходит для европейских танцев. У японцев есть свои прекрасные танцы, которые были придуманы в расчете на их тело.

Для тех разочарованных японцев, которые считают свое тело некрасивым из-за коротких ног, представлю результаты недавних исследований.

Если мы посмотрим на обнаженное тело, то нельзя сказать, что оно является некрасивым только потому, что у него длинное туловище и короткие ноги. Если мы примем за главный критерий красоты длинные ноги и длинные руки, то тогда определенное соотношение длины ног и рук и должно представить нам образец идеальной красоты. Однако красоту человеческого тела определяет не только длина ног и рук. На самом деле красоту человеческого тела можно выявить только при условии, что мы примем за критерий красоты гармонию всего тела, его пропорциональность. Исследования в этом отношении проводились еще со времен Древнего Египта. На Востоке тоже имеются сочинения по буддийской иконографии. Повсюду в мире философы, художники, анатомы, астро-

логи и другие ученые специалисты занимались изучением этого вопроса, и они сделали немало открытий. В особенности много таких исследований стало появляться в эпоху Ренессанса. Критерий красоты искали в математических закономерностях, в анатомическом строении, т. е. вводился геометрический фактор. Такой критерий искали и в музыкальной гармонии, находили и соответствия между человеческим телом и созвездиями. Словом, интерес к телесному был большой, всех теорий и не перечислить.

В последнее время большой интерес вызывают геометрические исследования пропорции тела. В частности, имеется теория, согласно которой за единицу измерения берется четверть длины позвоночного столба. Десять с половиной таких единиц соответствуют росту человека. Это соотношение приблизительно совпадает с анатомической теорией, согласно которой рост человека составляет семь с половиной длин головы. Таким образом, статистические данные и анатомическая теория дают одни и те же результаты. Т. е. следует считать в общем и целом общепризнанными данные о том, что для взрослых мужчин и женщин соотношение длины головы к росту составляет 1:7,5.

Соотношение 1:10,5 соответствует росту европейца. Что до японцев, то здесь нет необходимости применять какие-то дробные числа, а следует взять за стандарт соотношение 1:10.

Если принять эту единицу за стандарт и произвести тщательные измерения, то тогда получится, что ширина головы в висках и расстояние от кончика носа до макушки головы составляют единицу, а ширина плеч – две единицы. Длина грудины составит единицу, длина плечевого сустава – полторы, а длина лучевой кости вместе с ладонью – две с половиной. Получается, что длина верхних конечностей составляет четыре единицы, расстояние от пупка до лобка – одну, расстояние между шейками бедер – единицу, длина берцовой кости – 2,5, длина голени – 2,5. Так мы можем представить тело в числовых пропорциях. Если мы подойдем с таким же стандартом к телу европейца, то не обнаружим таких же четких и ясных соотношений...

Таким образом, получается, что тело японцев по своему строению очень естественно и архитектурно. В нем присутствует гармония и красота пропорций. И с точки зрения строения тела японцы далеко опередили европейцев на пути эволюции, их тело являет собой свидетельство более высокой культуры, в нем обнаруживается идеальная пропорциональность.

Кроме того, в теле японца имеется множество других проявлений эстетического. Дело не в том, коротки ноги или длинные, кри-

вые они или нет, а в том, что они должны способствовать поддержанию тела в вертикальном положении. Скульпторы и художники используют в своих произведениях сидячие и лежащие позы, композиция которых может быть весьма разнообразна. У европейцев длинные ноги, но эта длина вовсе не должна служить основанием для гордости. С физиологической точки зрения исконное предназначение ног состоит в том, чтобы поддерживать тело и успешно перемещать его. Короткие ноги прекрасно удовлетворяют этому требованию. Так что и физиология свидетельствует в пользу того, что ноги японцев полностью выполняют свое предназначение. И разве не эти короткие и сильные ноги принесли нам неслыханные победы в японо-китайской и японо-русской войнах?

Лицевые мускулы японцев отличаются мягкостью, и потому их движения естественны, пластичны и совершенны. Поэтому с точки зрения скульптора они обладают мягкой объемной эстетичностью. По всей вероятности, только японцы обладают таким лицом, динамике которого можно изобразить с помощью нежных и пластичных линий. Улыбающееся лицо японца имеет в особенности очаровательную и уникальную составляющую. Отсутствие белого цвета кожи не мешает мягкому мускульному очарованию, с которым не могут сравниться европейцы.

Полагаю, что перечисленное позволяет говорить об изысканной и элегантной красоте японцев. Некоторые утверждают, что среди японцев мало красавиц, но разве среди европейских женщин найдется хоть одна, которая могла бы похвастаться такой строгой и одновременно светлой и изысканной красотой? Я полагаю, что японские женщины – самые красивые в мире.

Поговорим о руках японцев. С давних времен японцы славились красотой своих рук. Руки, изображавшиеся насыщенным розовым цветом с помощью тонких пластичных линий, – это не просто внешнее проявление красоты. Эти прекрасные руки чрезвычайно искусны, что составляет еще один предмет для гордости. Быстрые и точные движения пальцев свидетельствуют о прекрасно развитом осязании. Нельзя сказать, что осязание у японцев было столь развито с самого начала. Нет, все пять органов чувств развились постепенно и до такой степени, что можно утверждать: в своем культурном и эволюционном развитии японцы намного опередили европейцев.

Один иностранец сказал: «Для того, чтобы сравняться с японцами в точности работы пальцев, мы должны пройти долгий эволюционный путь». И действительно, с точки зрения европейцев, пальцы японцев отличаются чрезвычайной чувствительностью.

Что до тонкости японской музыки, то иная музыка покажется звериным ревом, что свидетельствует: и в этом отношении мы эволюционно превосходим других.

Основатель эволюционной теории Дарвин доказал, что строением лица, мимикой, волосатым покровом, структурой кожи европейцы стоят к приматам ближе, чем люди Востока. А значит, и в этом отношении мы, восточные люди, прошли больший эволюционный и культурный путь.

Я счастлив и благодарен судьбе за то, что мне довелось родиться не просто восточным человеком, а именно японцем. Разумеется, я не отрицаю того, что и у европейцев есть своя красота. Полагаю, что у европейской расы есть то специфическое, чем можно гордиться, есть у них и много красивого. И тем не менее нельзя забывать, что у японцев красивого еще больше, и нет никакой нужды ничемно завидовать европейцам. Следует выявлять красоту в нашем теле и провозглашать хвалу японской красоте.

Литература

- Акутагава Рюноскэ.** 1998. *Соч.*: в 4 т. Т. 1. М.: Полярис.
- Кобаяси Такидзи, Наоси Токунага, Фудзимори Сэйкити.** 1933. *Япония*: сборник. Харьков: Украинский робітник.
- Куникада Доппо.** 1958. *Избранные рассказы* / пер. Т. Топеха. М.: ГИХЛ.
- Мадзима Аю.** 2004. Кииро дзинсю то ю унмэй-но текоку. *Киндай ни-хон-но синтай канкаку* (с. 106–137). Токио: Сэйкюся.
- Мещеряков, А. Н.**
2006. *Император Мэйдзи и его Япония*. М.: Наталис.
2007. *Книга японских символов*. М.: Наталис.
2008. Довоенная Япония: победа духа над плотью. *Вопросы японоведения* 2: 194–205.
- Нисимура Хироси.** 2005. *Сегакко дэ ису ни сувару кото. Моно то синтай кара миру ни-хон-но киндайка*. Киото: Кокусай ни-хон бунка кэнкю сэнта.
- Нихондзин-но** дзинтайби. *Ниппон-но хокори* (с. 600–609). Токио: б/и. 1929.
- Савельев, И. Р.** 1997. *Японцы за океаном. История японской эмиграции в Северную и Южную Америку*. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Танидзаки Дзюнъитиро.** 1996. Похвала тени. *Похвала тени*. Рассказы японских писателей (с. 37–70) / пер. М. П. Григорьева. СПб.: Петербургское востоковедение.